

УТВЕРЖДАЮ

Ректор АмГУ

А.Д. Плутенко

2015 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет»

на диссертацию Горобца Леонида Александровича

«Своеобразие взаимодействия культур России и Китая

в Дальневосточном регионе»,

представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии

по специальности 24.00.01 — теория и история культуры

Диссертационная работа Леонида Александровича Горобца представляет собой завершенное и самостоятельное исследование, посвященное проблеме российско-китайского межкультурного взаимодействия в контактной зоне Дальневосточного федерального округа Российской Федерации.

В объяснительных моделях современного и будущего миропорядка часто фигурируют указания на две разновекторные тенденции, одна из которых — глобализация, а вторая — регионализация. Даже с учетом различных парадигм осмысления процессов такого рода научное сообщество, анализируя их, единодушно в выводе об усилении культурно-этнической составляющей в современном мире и в оценке культурно-цивилизационного взаимодействия как важнейшего фактора в развитии стран и регионов. В связи с данным обстоятельством проблемы взаимодействия, интеграции и диффузии культуры являются актуальным проблемным полем многих научных исследований. Вместе с созданием общих моделей данных

процессов научное сообщество все большее внимание обращает на анализ конкретных межкультурных явлений, характерных для определенного темпорального и локального пространства. Такие явления наиболее четко выделяются во фронтальной зоне — контактной области, обусловленной конкретностью своих пространственных смыслов и однозначностью указывающего на эту область маркера — государственной границы. Приграничное пространство очерчивается не только географическими рамками, но и обладает ярко выраженными социокультурными особенностями. Эти особенности определяются отнюдь не только ресурсными, социально-политическими или экономическими факторами. В некоторых своих существенных чертах они обусловлены самим пространством контактной зоны — стремлением к межкультурному взаимодействию, желанием минимизировать либо, напротив, расширить региональные и международные контакты, необходимостью реагирования на интеграционные процессы или проявления культурной диффузии и другими подобными явлениями. Как точно заметила Валентина Сергеевна Морозова, один из крупнейших отечественных экспертов по данной проблеме, «уникальность региональной культуры приграничья актуализирует обращение к его культурно-цивилизационной специфике, представляющей не только важный потенциал развития приграничных территорий, но и ресурс обеспечения социокультурной безопасности» (Морозова В.С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: автореферат дис. ... докт. философ. наук: 09.00.13. Чита, 2013. С. 4).

Ни одна региональная культура не может существовать изолированно. Каждый культурный регион в той или иной степени открыт для восприятия культурных достижений других регионов и, одновременно, готов поделиться собственными культурными достижениями. Такое взаимодействие на практике всегда имеет не только свое социальное измерение, но и совершенно конкретное экономическое воздействие. Из этого вытекает важный вывод: анализ межкультурного взаимодействия России и Китая в зоне дальневосточного фронта очень важен, поскольку напрямую связан с выработкой не только стратегии развития отношений с важнейшим стратегическим партнером России, но и с разработкой тактики и долгосрочных планов развития дальневосточных субъектов Российской Федерации.

Кроме того, в условиях интенсивного международного сотрудничества мы постоянно наблюдаем новые тенденции в механизмах и акцентуациях межкультурного взаимодействия, оказывающих заметное воздействие на развитие контактирующих социумов, регионов и государств. Соответственно, основные факторы, условия, содержание и тенденции межкультурных контактов русских и китайцев на российском Дальнем Востоке относятся к тому проблемному полю, которое характеризует объективную реальность, оказывающую заметное воздействие на многие стороны духовной,

экономической, культурной и даже политической жизни российского Дальнего Востока.

Все это обуславливает актуальность выбранной диссертантом темы исследования, а также её большую научную и практическую значимость.

Диссертационное исследование Л.А. Горобца отличается и новизной, которую определяют положения, выносимые на защиту (стр. 11—12), и выводы автора, представленные в разделе Заключение (стр. 115—117).

В структурном отношении диссертация состоит из введения, двух глав, включающих четыре параграфа, заключения и списка литературы.

Введение содержит все необходимые формальные составляющие, надлежащим образом структурированные и адекватно изложенные.

Первая глава диссертации «Дальневосточная региональная культура: проблема своеобразия и методология исследования взаимодействия культур» (стр. 14—58) имеет историко-теоретический характер и включает два параграфа. Первый параграф носит название «Факторы своеобразия дальневосточной региональной культуры» (стр. 14—30), он представляет собой своеобразное методологическое введение ко всей диссертации. В этом разделе автор рассматривает предметное поле своего исследования и в ходе дескриптивно-аналитической характеристики важнейших методологических подходов к проблеме регионализации культуры, характерных для культурологии, вскрывает специфику и неоднозначность понятия «региональная культура» в концепциях различных научных школ, совершенно верно отделяя его от понятия «культура региона» и точно выделяя факторы, обусловившие уникальность спатально-темпарального континуума культуры российско-китайского дальневосточного порубежья.

Второй параграф первой главы отражает одну из центральных проблем диссертационного исследования, связанную с квалификацией явления, называемого автором «культурной совместимостью», и анализом данного явления на основе привлечения материалов из области медицины (стр. 31—58). Это — новаторский и неординарный для культурологии подход. Выбрав в качестве примера культурной совместимости терапевтические традиции России и Китая, тем самым диссертант сумел найти инструмент, позволяющий вскрыть проблемы гармоничного взаимодействия не только разных типов рациональности, но и разных типов ментальности, что в значительной степени определяет методологическую новизну и теоретическую значимость данного исследования.

Вторая глава диссертации — «Сферы культурного взаимодействия в Дальневосточном регионе» (стр. 59—114) — включает два параграфа, в которых автор отразил опыт аналитического осмысления фактов и событий современной истории культурного взаимодействия России и Китая на российском Дальнем Востоке. В первом параграфе данной главы Л.А. Горобец анализирует процессы взаимодействия региональных культур в художественной сфере, а во втором параграфе — в области изучения китайского языка и каллиграфии, в сфере академических обменов,

библиотечного и музейного дела, а также в некоторых других гуманитарных направлениях.

В «Заключении» (стр. 115—117) диссертант подводит итоги исследования и формулирует общие выводы, логически вытекающие из проведенного анализа.

Библиографический список, озаглавленный «Списком литературы» (стр. 118—142), включает 227 названий монографий, статей и других источников информации.

Содержание анализируемой диссертационной работы адекватно заявленным целям и задачам, а автор работы демонстрирует глубокое понимание изучаемых проблем. Однако, несмотря на все достоинства — очевидную информативность, актуальность, новизну, практическую и научную значимость, диссертация не лишена отдельных, частных недостатков, а прочтение ее текста вызывает желание высказать автору ряд замечаний и пожеланий.

1. Диссертация посвящена исследованию специфики взаимодействия культур России и Китая на территории Дальнего Востока. Однако в диссертации никак не определено само понятие «дальневосточный регион». Совпадает ли этот регион с Дальневосточным федеральным округом или все же обозначает лишь приграничные территории последнего? Объяснение на стр. 18 дает основание заключить, что речь идет о ДФО. Однако основной текст диссертации свидетельствует, что иногда под Дальневосточным регионом понимается, скорее всего, территория лишь тех субъектов РФ, которые граничат с Китаем либо, в отдельных случаях, это — метафорическое пространство взаимодействия культур, маркированное исключительно государственной границей и безразличное к границам административным. Такая неоднозначность проявляется и на уровне орфографии — выражение «дальневосточный регион» пишется то с прописной (стр. 8, 9, 11, 20 и далее), то со строчной буквы (стр. 7, 9, 12, 18, 20 и далее).

2. Культурология (теория и история культуры) как наука имеет достаточно широкое предметное поле. В этом кроется и методологический плюс для исследователя, дающий ему право широкого выбора теорий и методов, и определенная методологическая сложность, связанная с необходимостью четкого обоснования релевантности выбранных концепций, методов и подходов. В разделе «Степень научной разработки проблемы» (стр. 5—8) диссертант указывает тот инструментарий, который был им использован в процессе исследования, фиксируя его в виде названий различных направлений гуманитарных наук и имен, являющихся знаковыми для данных направлений. При этом вопрос о том, почему выбраны труды именно этих специалистов, никак не пояснен. Соответственно, остается непонятным, почему, например, для анализа специфических черт китайской культуры автор диссертации использует работы В.В. Малявина или А.Е. Лукьянова (стр. 7), но игнорирует труды Василия Михайловича Алексеева (1881—1951) и Ольги Лазаревны Фишман (1919—1986), хотя и у

первого, и у второй есть фундаментальные исследования проблем взаимодействия китайской и европейской культурных традиций. Также остается непонятным, почему вне поля зрения диссертанта остались работы других китаеведов, внесших значительный вклад в исследование тех вопросов, которые в той или иной степени затронуты в рецензируемой диссертации (к примеру, труды П.Е. Скачкова (1892—1964), А.Н. Хохлова, А.В. Ломанова или М.Л. Титаренко).

Точно такое же замечание относится и к инструментарию общетеоретического уровня. Например, остается неясным, почему для диссертанта ценными были труды Р. Редфилда, но не оказались важными работы Маргарет Мид (1901—1978) или Бронислава Малиновского (1884—1942).

3. В разделе «Степень научной разработанности проблемы» (стр. 5—8) диссертант перечисляет исследователей, на работы которых опирается, но не дает ссылок на их публикации. Труды некоторых из перечисленных в этом разделе авторов отсутствуют и в «Списке литературы». Например, на стр. 5 сказано: «В процессе данного исследования в первую очередь были привлечены труды философов и культурологов...», а затем названы, наряду с другими, имена М.М. Бахтина (1895—1975) и М. Бубера (1878—1965). Работ ни первого, ни второго в «Списке литературы» нам найти не удалось. То же самое относится и к классикам культурной и социальной антропологии — Роберту Редфилду (1897—1958) и Мелвиллу Херсковичу (1895—1963), труды которых названы «ценными для настоящего исследования» (стр. 6), но отсутствуют в «Списке литературы», а в тексте диссертации не обусловлены библиографическими ссылками. Или, к примеру, упомянутое на стр. 6 имя специалиста по проблемам аккультурации Р. Миньона вызывает полное недоумение — о ком в данном случае идет речь? Не оговоренное библиографическими ссылками, оно не поддается идентификации.

4. На стр. 7 диссертант утверждает: «Различные аспекты гуманитарного сотрудничества содержатся в многочисленных, но разрозненных статьях специалистов дальневосточного региона...». С этим мнением мы не можем согласиться. Например, с 2001 в Благовещенске на базе Амурского государственного университета проводится ежегодная международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах». За эти годы вышло десять объемных томов («выпусков») материалов этих конференций, в концентрированном виде вобравших огромный объем информации по различным аспектам культурного взаимодействия России и Китая (см., например, последний сборник: Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте. Вып. 10. Сборник материалов международной научно-практической конференции / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. — Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2013. — 422 с.). Такое десяти томное собрание новейших работ по проблемам регионального межкультурного взаимодействия трудно назвать «разрозненными материалами». Вызывает удивление и то, что при написании диссертации из этого десяти томного

собрания были использованы всего лишь три статьи (№ 72, 147, 166 в «Списке литературы»).

Международная научно-практическая конференция подобного рода стала традиционной и в Забайкальском государственном университете, материалы этой конференции представлены в менее объемных, но не менее интересных шести томах (см., например, последний из них: Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VI Международной научно-практической конференции. — Чита: ЗабГУ, 2014. — 234 с.).

В настоящее время можно с уверенностью говорить, что в Забайкалье и Приамурье сложились две новые научные школы, активно занимающиеся изучением «региональных проблем» российско-китайских отношений, в том числе в различных направлениях гуманитарного сотрудничества, а также весьма эффективно развивающих научное взаимодействие с китайскими коллегами и организациями. Труды руководителей этих научных школ — проф. Андрея Павловича Забияко (АмГУ) и проф. Валентины Сергеевны Морозовой (ЗабГУ) коррелируют со многими проблемами, затронутыми в рассматриваемой диссертации, и имеют весьма высокий индекс цитирования. Вместе с тем ни в разделе «Степень научной разработанности проблемы», ни в «Списке литературы» работы А.П. Забияко и В.С. Морозовой не упомянуты.

5. В первом положении, выносимом на защиту, среди факторов, определяющих специфику русской культуры в Дальневосточном регионе, автор выделяет, в том числе, следующий фактор (цитата): «... удаленность Дальневосточного региона от центра “материнской культуры”, придавшей культуре региона “маргинальные” черты» (стр. 11). Это положение представляется нам весьма дискуссионным. Как следует из текста диссертации, Л.А. Горобец выдвигает его, опираясь на труды Р. Парка и Э. Стоунквиста (стр. 6). Но ведь у того же Парка одно из важнейших качеств маргинальной личности — конфликтность, что явно противоречит фактам межкультурного взаимодействия России и Китая на дальневосточных рубежах. Далее диссертант приводит краткие суждения о «маргинализации» культуры дальневосточного региона (стр. 20), не подтверждая свои оценки какими-либо конкретными данными, и, наконец, на стр. 21 приводится мнение Е.А. Куликовой и В.В. Калиты, которые утверждают, что (цитата) «на Дальнем Востоке сформировалась “маргинальная культура”» (стр. 21). Такие основания являются крайне шаткими, чтобы безоговорочно принять вывод диссертанта о «маргинальном» характере дальневосточного региона. Данный вывод требует, во-первых, уточнения, что именно автор диссертации понимает под понятием «маргинальность» в контексте своего исследования, во-вторых, куда более доказательной базы, основанной не просто на логических рассуждениях, а на фактах и цифрах.

Точно то же замечание относится и к утверждению диссертанта о том, что на рубеже XX и начала XXI вв. процесс маргинализации дальневосточного региона (цитата) «приобрел весьма осязаемый характер» (стр. 21). Такие смелые утверждения следует доказывать, снова же, фактами

и цифрами, предметно объясняя, чем определяется этот «ощутимый характер» и в чем его специфика по сравнению с типологически сходными процессами в центральных регионах России.

6. Первый параграф первой главы (стр. 14—30) носит несколько аморфный характер. В нем Л.А. Горобец анализирует сразу несколько вопросов — во-первых, теоретические проблемы, связанные с понятиями «регион», «региональная культура и «культура региона»; во-вторых, факторы, обусловившие специфику Дальнего Востока; в-третьих, говоря о роли государственной границы как важнейшего фактора «культурной регионализации» Дальнего Востока, диссертант переходит к исторической проблеме, характеризуя этапы взаимодействия России и Китая на дальневосточных рубежах, а затем рассматривает вопросы геополитики и дает характеристику языковой ситуации в регионе. Столь сложное содержание, как думается, требует более четкого структурирования и выделения отдельных подразделов.

7. В этом же параграфе упомянута Елена Александровна Оглезнева (стр. 28), названная кандидатом филологических наук. Это неверно, Е.А. Оглезнева является доктором филологических наук.

Здесь же, выделяя исторические этапы взаимодействия России и Китая на дальневосточных рубежах, диссертант указывает: «Мы придерживаемся мнения специалистов, разделяющих процесс их общения на четыре крупных этапа, обусловленных кардинальными изменениями его пространства и условий взаимодействия» (стр. 22—23). Такое утверждение можно было бы принять, если бы в качестве специалистов фигурировали имена тех исследователей, которые действительно изучали процессы исторического становления российско-китайской границы и российско-китайских отношений. Однако в качестве специалиста по истории российско-китайских отношений назван (согласно ссылке на стр. 23) Константин Владимирович Татценко (см. его работу под № 185 в «Списке литературы»), несомненно, крупный эксперт, но несколько в иной области. К.В. Татценко является кандидатом экономических наук, директором филиала ОАО «ЛЕНМОРНИИПРОЕКТ» - «ЛЕНМОРНИИПРОЕКТ — Дальний Восток» и лишь по совместительству — старшим преподавателем кафедры мировой экономики ДВФУ. В данном случае мы обращаем внимание не на должность — она отнюдь не показатель научного уровня этого ученого-практика, а на его специализацию — областью научных изысканий К.В. Татценко являются проблемы современного экономического сотрудничества России и Китая. Фундаментальных трудов по истории становления российско-китайских отношений, которые бы считались авторитетными среди профильных специалистов, за ним не числится.

В этом же параграфе на стр. 19 диссертант указывает, что «многообразие возникает, как утверждал Ф. Шеллинг, благодаря границам», однако ссылки на соответствующую работу Ф. Шеллинга не дает. На стр. 21 Л.А. Горобец приводит косвенную цитату из работы М.М. Бахтина (1895—1975), после которой библиографическая ссылка также отсутствует.

8. На стр. 25 и 117 упоминается некий «западный проект», в периферию которого, как считает Л.А. Горобец, хотели включить Россию и Китай. Используя это выражение мимоходом, как данность, не нуждающуюся в объяснении, и не раскрывая его содержания, диссертант явно выходит за рамки научного стиля, безусловным требованием которого является использование однозначного категориально-терминологического аппарата.

9. Один из самых интересных разделов диссертации — второй параграф первой главы (стр. 31—58), однако и он не лишен некоторых недостатков.

Отдельный абзац на стр. 33, посвященный анализу воззрений на Китай западников и славянофилов, во-первых, слишком краток, чтобы в достаточной степени отразить такую сложную проблему, во-вторых, в нем упомянуты точки зрения многих деятелей русской культуры, но нет ни одной ссылки на источники информации.

Приведенные диссертантом на стр. 34 точки зрения полковника (в отставке) Девятова и иеромонаха Серафима (Роуза), в которых утверждается тезис о близости культурных кодов России и Китая и созвучности православия традиционным китайским воззрениям, несомненно, весьма интересны, но лишь для анализа проблем антропологии субъективной реальности. Указанные точки зрения являются не более чем индивидуальным мнением, которое не отражает современный уровень понимания соответствующих проблем, сложившийся в академическом научном сообществе, изучающем Китай.

Во фрагментах данного раздела, где рассматривается коррелятивизм и органицизм китайской мысли (стр. 47, 50—51, 53 и далее), хотелось бы видеть ссылки на работы А.И. Кобзева; во фрагменте, посвященном представлениям о единстве микро- и макрокосма (стр. 45), не хватает упоминания теории антропокосма, выдвинутой В.Е. Еремеевым (1953—2011); во фрагменте, где дается краткая характеристика концепции антропологического космоса (стр. 44), явно напрашивается ссылка на статью С.В. Филонова «Ранний даосизм: поиск методологической целостности» (Религиоведение. 2009. № 3. С. 58); а на страницах, посвященных анализу теоретических основ традиционной китайской медицины, — не были бы лишними указания на труды В.Г. Вогралика (1911—1997).

9. Для отдельных фрагментов диссертации характерна тенденция, которую иначе как «научной небрежностью» назвать нельзя. Это особенно заметно в третьей главе диссертации (стр. 59—114). В этой части своего исследования Л.А. Горобец приводит богатейший фактический материал, оригинальный анализ, самостоятельные выводы, но при этом почему-то упускает из виду некоторые «хрестоматийные» для монографий и диссертаций элементы научного аппарата. Например, на стр. 61 диссертант говорит об очерке Виктора Рыльского «На русском кладбище в Харбине», но свои рассуждения библиографической ссылкой не оформляет. Или, к примеру, на стр. 75, где диссертант сообщает конкретные данные о событиях

1969 г. на острове Даманский, не указан источник информации. Еще пример, на стр. 66—67 диссертант говорит о книге сказок и легенд коренных народов Приамурья, составленной Еленой Глебовой, но, снова же, без каких-либо ссылок на данную работу.

К такого же рода «научной небрежности» можно отнести и упоминание о том, что «наиболее популярными блюдами китайской кухни среди дальневосточников стали мясо в кисло-сладком соусе, салат «Дружба», фаршированные баклажаны, жаренный тофу с острым соусом и другие» (стр. 109). Отсутствие какой-либо ссылки на статистические данные или чье-либо мнение при таких утверждениях делают подобные фрагменты диссертации публицистическими, напоминая не научное изыскание, а популярный очерк о жизни и нравах дальневосточников. Такая ситуация не совсем понятна еще и потому, что в «Списке литературы» имеется большое число источников информации, которые наверняка могли бы подтвердить приводимые Л.А. Горобцом сведения.

К недоработкам того же рода можно отнести и фрагмент на стр. 66, где диссертант говорит (цитата): «Художественные произведения способствуют утверждению в сознании людей понимания, что, выражаясь словами М.Ю. Лермонтова: “Все мы люди, все мы человеки”». В этом фрагменте сразу несколько недочетов: во-первых, отсутствует ссылка на приведенную цитату; во-вторых, цитата приписана Михаилу Юрьевичу Лермонтову ошибочно, в его стихотворении «Жалобы турка» есть лишь похожая фраза, но не совпадающая с той, которую приводит диссертант.

10. Рассуждение на стр. 69 с упоминанием ведического календаря («Интересен феномен 12-годичного животного цикла китайского календаря. Китайская традиция имеет только сказочно-этическую, достаточно позднюю версию порядка следования священных животных, в то время как в ведическом календаре славян они соответствуют священным животным духов-покровителей месяцев года») в представленном диссертантом виде лежит вне парадигмы научного подхода.

11. Второй параграф третьей главы, посвященный анализу тенденций гуманитарного сотрудничества в дальневосточной региональной культуре, производит двоякое впечатление. С одной стороны, он поражает широтой охвата материала, с другой стороны — отдельные фрагменты этого раздела удручают скупостью представленных фактов. Диссертант явно упустил из виду изречение Козьмы Пруткова о невозможности объять необъятное, попытавшись вместить в круг обозреваемых вопросов все важнейшие направления сотрудничества России и Китая в гуманитарной сфере. Из-за этого проистекает избирательность в подборе фактов, принципы которой не оговариваются, и это вызывает вопросы. Например, на стр. 81 диссертант анализирует китаеведные аспекты деятельности Амурского государственного университета, но затрагивает почти исключительно сферу изучения китайского языка, не приводя никаких конкретных данных о научной деятельности сотрудников этого университета в той области, которой посвящена диссертационная работа. Еще пример, на стр. 89 Л.А. Горобец

упоминает о диссертациях, защищенных в Институте истории ДВО РАН, но ничего не говорит о многочисленных диссертационных защитах, которые проходили в Диссертационном Совете ДМ 212.006.01 при АмГУ, возглавляемом А.П. Забияко. Таковую избирательность сложно объяснить хотя бы потому, что многие из диссертаций, подготовленных в АмГУ под руководством А.П. Забияко, связаны с анализом межкультурного взаимодействия России и Китая, т.е. с непосредственной областью научных интересов диссертанта.

12. Список литературы (стр. 118—142), похоже, построен в соответствии с китайским классическим учением о Дао-Пути, которое диссертант упоминает в своей работе, и сочетает противоположности — и некоторую избыточность, и определенную недостаточность. И хотя классический текст китайской культуры гласит, что «великая полнота похожа на пустоту, но польза ее неизмерима» (цит. по: Лао-цзы / Пер. И.С. Лисевича. М., 2003. С. 270), — у нас, живущих в ином цивилизационном измерении, возникает стойкое желание скорректировать этот список. В нем, например, явно лишней является работа под № 80 — она устарела почти сразу же, как вышла из печати. Замечательная монография, указанная под № 28, вряд ли как-то связана с непосредственной темой диссертационного исследования. Работы А.И. Кобзева, указанные под №№ 98-99, имеют очень важное значение для разработки некоторых проблем, рассматриваемых диссертантом, но в еще большей степени в этом списке хотелось бы видеть и монографии проф. Кобзева. В списке под № 94 указан энциклопедический словарь «Китайская философия» (М., 1994), и это очень хорошо, но почему-то нет его «младшего брата», — пятитомной (плюс дополнительный том) энциклопедии «Духовная культура Китая». В этом списке также не хватает работ тех исследователей, которые были упомянуты нами выше. И, наконец, вызывает удивление, почему диссертант не использует возможности ресурсов удаленного доступа — Интернет-ресурсов академического характера и официальных сайтов дальневосточных университетов, а также региональных органов государственного и муниципального управления.

Тем не менее, все эти частности не влияют на общую положительную оценку данного диссертационного исследования, которое обладает научной новизной и несомненной научно-практической значимостью. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке комплексных работ по региональной культуре, а выводы могут быть востребованы органами государственной и муниципальной власти Дальневосточного федерального округа при формировании, планировании и реализации культурного сотрудничества с КНР.

Оценивая работу Л.А. Горобца в целом, следует отметить, что перед нами самостоятельное и законченное научное исследование. Поставленные в нём задачи решены, а цель достигнута. Техническое оформление текста в целом соответствует печатным стандартам, а незначительные погрешности технического характера сведены к минимуму.

Выводы, полученные лично автором, отражены в 15 публикациях, из которых две монографии и четыре статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендуемых ВАК.

Автореферат и публикации соответствуют заявленной теме и в достаточной степени отражают текст диссертации.

Диссертационная работа соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что работа Леонида Александровича Горобца «Своеобразие взаимодействия культур России и Китая в Дальневосточном регионе» соответствует специальности 24.00.01 — «теория и история культуры» и требованиям, предъявляемым к диссертации, представленной на соискание учёной степени кандидата культурологии, а её автор заслуживает присуждения искомой степени.

Отзыв подготовил:

доктор исторических наук (специальность 07.00.09 «историография, источниковедение и методы исторического исследования»),
доцент, профессор кафедры китаеведения
Амурского государственного университета

Филонов Сергей Владимирович

Диссертация и отзыв рассмотрены, а отзыв утвержден на заседании кафедры китаеведения Амурского государственного университета 2 сентября 2015 г. (Протокол № 1 от 2 сентября 2015 г.).

Заведующая кафедрой китаеведения
Амурского государственного университета,
доцент, к.филол.н.

Шатравка Анна Владиславовна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Амурский государственный университет» (ФГБОУ ВПО «АмГУ»).

675027 Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21

Тел. (416-2) 39-45-01; факс (416-2) 39-45-25; e-mail: master@amursu.ru